

УДК 811.161.1:821.161.1

М. А. Стешенко

**БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ
«ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ» И «МАРИЯ МАГДАЛИНА»
В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Анализируется информационно-ассоциативный ореол прецедентных библейских антропонимов «Иосиф Прекрасный» и «Мария Магдалина» как единиц персоносферы поэзии М.И. Цветаевой. Характеризуются художественная, текстообразующая и прагматическая функции указанных антропонимов в поэтическом тексте М.И. Цветаевой; прослеживается роль культурных контекстов в формировании информационно-ассоциативного поля антропоэтонима.

59 □

This paper studies the informative and associative aspects of the precedent biblical anthroponyms Joseph the All-comely and Mary Magdalene as units of Marina Tsvetaeva's personosphere. The author characterizes the text formation and pragmatic functions of the mentioned anthroponyms in Tsvetaeva's poetic text. The role of cultural contexts in the formation of the informative and associative field of anthropoetonyms.

Ключевые слова: прецедентный библейский антропоним, поэтический текст, контекст, персоносфера, коммуникация.

Key words: precedent Biblical anthroponym, poetic text, context, personosphere, communication.

Исходными позициями для написания данной статьи послужили следующие положения.

1. Имя собственное, обретающее компоненты значения апеллиатива, обладает семантико-функциональной двойственностью [1]. Коннотативный потенциал такого онима намного превышает аналогичный показатель регулярного онима.

2. Прецедентное имя — источник развертывания прототекста в рамках нового текста. Оно понимается как «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом... или ситуацией; это... сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [4, с. 48].

3. Прецедентный антропоним выступает «культурной скрепой», «культурным знаком», несущим помимо номинативной (характерной для регулярного онима) персуазивную, людическую и парольную функции [8]. Следовательно, прецедентность — свойство интенсивной коммуникации [3].

4. Успешность и продуктивность коммуникации предполагает для коммуникантов обладание общей когнитивной базой, обеспечивающее обязательное наличие в ходе коммуникативного взаимодействия макропресуппозиции и зоны пересечения индивидуально-когнитивных пространств коммуникантов [4].

5. Степень освоения человеком персониферы (прецедентных образов и персонажей) определяет уровень речевой культуры, который есть отражение степени личностной осознанности [9].

6. В рамках конкретного поэтического текста прецедентный антропоним развивает предикативность, реализуя характеризующую функцию.

7. Значение прецедентного антропонима равно совокупности его коннотативных признаков, реализованных через прецедентный сюжет. Вектор, эмоционально-оценочная направленность возникающих в поэтическом тексте коннотаций, зависит от авторских интенций и читательской зоркости.

8. Библейский антропоним в поэтическом дискурсе всегда является прецедентным, а его значение определяется тем или иным сюжетом, составляющим информационное поле каждого конкретного онима.

Материалом исследования выступили представленные в словаре «Собственное имя в русской поэзии XX века» [2] и Национальном корпусе русского языка [6] поэтические контексты М. И. Цветаевой, содержащие прецедентные библейские антропонимы «Иосиф Прекрасный» и «Мария Магдалина».

(1) *И вот исчез, в черную ночь исчез, — // Как некогда Иосиф, плащ свой бросив. // Гляжу на плащ — черного блеска плащ, // Земля сгорит, а сердце — смерти просит;* (2) *Спор Иосифа! // Перед тобой — // Что — // Иакова единоборство! // И глотает — с улыбкою — вой // Молодая жена царедворца;* (3) *Слезы, волосы, — сплошное // Исступление, а тот [Иисус Христос] // В красную сухую глину // Благостный вперяя зрак: // — Магдалина! Магдалина! // Не издаривайся так!* (4) *Магдалина. // 1.¹ // Меж нами — десять заповедей: // Жар десяти костров.²*

Библейские сюжеты относятся к числу транскультурных сюжетов, реализующих культурно-цивилизационный архетип. Опираясь на вышеприведенные контексты, выделим в структуре информационного потенциала значения рассматриваемых антропонимов универсальные сюжеты, формирующие их коннотационал в рамках поэтического дискурса М. И. Цветаевой.

«Иосиф»: сюжет заключения в темницу по наговору жены хозяина Потифара, с которой он не захотел разделить ложе.

«Мария Магдалина»: сюжет богосупружеского союза между Марией Магдалиной и Христом.

¹ Заглавие. Приводимый контекст — первые стихи первого стихотворения цикла «Магдалина».

² (1) — из стихотворения «И вот исчез, в темную ночь исчез...», 1920; (2) — «Иосиф», 1917; (3,4) — «Магдалина», 1920.

Проследим, под влиянием какого информационного фона библейского антропонима актуализируются механизмы смыслопорождения и как возникшие коннотации преломляются в русле индивидуально-авторского осмысления прецедентного имени.

Контексты (1) и (2) через антропоним объединены апелляцией к выделенной нами сюжетной линии «Иосифа». На фоне традиционного восприятия указанного сюжета, сводящегося к порицанию бесчестного поступка женщины, поэт конструирует контекст общей сопричастности «обыкновенной» женской трагедии — трагедии одиночества и тщетного поиска любви.

«Стоять перед Богом — часто для женщины значит стоять перед мужчиной. <...> Мы предстоим перед Богом как перед Богом, даже если думаем, что предстоим перед мужчиной» [7, с. 365]. Продолжая инерцию этой логики, скажем, что быть оставленной мужчиной, в которого веришь, равносильно быть оставленной Богом. Найденный мотив выходит за рамки собственно поэтического пространства, выражая трагедию женской экзистенции. Прецедентный артефакт (плащ Иосифа) в контексте (1) *И вот исчез, в черную ночь исчез, — // Как некогда Иосиф, плащ свой бросив. // Гляжу на плащ — черного блеска плащ, // Земля сгорит, а сердце — смерти просит* [2], на наш взгляд, — одна из смысловых доминант текста. Он объективирует черный цвет, распространяемый как на формальном, лексическом, уровне, так и на уровне имплицитных ассоциаций, возникающих при восприятии идейно-образного ряда стихотворения («в черную ночь» // «**черного блеска плащ**» // «бросив» // «смерти просит»). Экспрессема «черный», семантически поддерживаемая лексемами «ночь», «смерть», а также синтаксически — посредством инверсированной конструкции, становится знаком личной и глобальной катастрофы.

Совмещение сигнификативных значений и коннотативных оттенков внутри оппозиции «улыбка / вой» в контексте (2) *Спор Иосифа! // Перед тобой — // Что — // Иакова единоборство! // И глотает — с улыбкою — вой // Молодая жена царедворца* [2] складывается реципиентом в картину страстной агонической муки героини, облик которой конституируют стихийность, демоническая устремленность в достижении желаемого, убежденность в онтологической правде чувственного порыва. Именно здесь — точка схождения эмоционального облика персонажа, поэта и воспринимающего текст субъекта. По мере развертывания лирического контекста inferнальность поведения героини (что составляет одну из центральных коннотаций прецедентного библейского образа) нивелируется. Так, идейный план стихотворения конструируется через взгляд на мотивы поступка женщины, объяснимые не только и не столько «скукой», но особенностями ее страстной, пламенной индивидуальности. Таким образом, сознание реципиента, вопреки традиционным безапелляционно отрицательным коннотациям, связанным с трактовкой прецедентного образа, склоняется вспомнить брюсовское «Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток! // <...> // Ты — женщина, и этим ты права».

Контексты (3) и (4) представляют поэтическое осмысление образа Марии Магдалины, маркированное узнаваемостью черт, присущих лирической героине М. И. Цветаевой, сочетающей в себе чувственность и святость, определяемую высотой и чистотой испытываемых переживаний.

«Тело» и «святость» в контексте русской языковой картины мира формируют очевидную оппозицию, потому что характерная для поэзии тенденция к вольности художественного истолкования прецедентного сюжета и склонность поэта соблазниться азартом игры с семантикой прецедентного антропонима диктуют соответствующие пресуппозиционные установки в сознании реципиента. Диаметрально противоположное осмысление образа библейского персонажа воспринимается, как правило, в виде авторского протеста против традиционных, закреплённых в культуре духовно-нравственных ориентиров (опыт эстетики модернизма и постмодернизма). Однако проведенный нами анализ контекстов показал, что понятие «телесность» в них лишь драпирует концептуальные составляющие прецедентного образа Марии Магдалины, становясь знаком покаяния и чистоты, поскольку мыслится в каждом поэтическом контексте в позиции единения, слиянности коннотативного потенциала словообразов «дух» и «тело», содержательно подразумевающих такие понятия, как «любовь», «искание», «ожидание», «страдание» и др.

В рамках рассматриваемого поэтического дискурса эти концепты определены в соположении характерной черты физического облика Марии Магдалины и психофизического проявления ее саморефлексии: в неостановимом потоке «густых волос» «святой блудницы» и ее слез. Так, в контексте (3) *Слезы, волосы, – сплошное // Исструение, а тот [Иисус Христос] // В красную сухую глину // Благостный вперед зрак: // – Магдалина! Магдалина! // Не издаривайся так!* [6] «изобильность (избыточность?) жизни» составляет оппозицию аскезе «красной сухой глины»: на легкость первой налагается «печать» последней.

Драма чувств усиливается исключительной витальностью образа Марии Магдалины, подчеркнутой индивидуально-авторским образованием «исструение», порожденном поэтическими манипуляциями на морфемном и морфологическом уровнях. Лексический окказионализм, образованный от глагола «струиться» посредством префикса «ис-», обретает сразу ряд смысловых измерений, поскольку сообщает корню слова (с семантикой свободного течения и распространения) одновременно все узуальные значения префикса: а) направление действия, движения изнутри наружу; б) распространение движения по всем направлениям; в) доведение действия до предела, распространение действия на всю поверхность предмета. Значение неузуального слова обогащается семами «движение», «распространение», «бескрайность», «естественность» и поддерживается эпитетом «сплошное», сообщающим существительному семантику всецелого заполнения пространства, которое лирическую героиню не принимает, отвергает, выталкивает. На

уровне поэтической образности («красная сухая глина») и ассоциативного шлейфа слов формулируется идея, характерная для мироощущения цветаевской героини: «я то, что я есть, и это не то, что нужно» [10]. Рефреном звучащее *Магдалина! Магдалина!* (с интонационным оттенком родительского порицания) и следующий за обращением категорический императив *не издаривайся* выражают семантику предостережения лирической героини от растраты себя, сил своей души, сердца в ущерб духу. Самоощущение отвергнутой женщины, осознание ею невозможности разделить энергию жизни с Тем, кого она любит, трагично, катастрофично для нее. Созвучие лексем *не издаривайся* и *удар* способствует актуализации мотивов страдания, одиночества и женского сиротства.

Идея запретной страсти (в контексте (4): *Меж нами — десять заповедей: // Жар десяти костров* [6]) вводится традиционной для цветаевского мироощущения концептуальной оппозицией «холод» / «жар» главным образом на лексическом уровне, провоцируя актуализацию эксплицитных и имплицитных компонентов значения слов, объединенных такими базовыми семантическими комплексами, как «запрет», «страсть», «искушение», «наказание».

Таким образом, обращение М.И. Цветаевой к прецедентным библейским антропонимам несет художественную, текстообразующую и прагматическую функции. Развивая ассоциативно-семантическую связь в рамках контекста, антропоним вызывает определенный эстетический эффект, обусловленный намерением автора, его мировоззренческой позицией. Кроме того, в рамках коммуникативного акта, осуществляемого в форме ведения как внутреннего, так и внешнего диалога, происходит идентификация социальных и духовных координат автора текста и реципиента на уровне сопоставления и / или взаимодействия собственной индивидуальности с персоналией: «я как он» / «я и он». Именно этот факт позволяет считать, что прецедентный антропоним формирует взаимоотношения, которые становятся реальными с момента пересечения «меридианов» и «параллелей» реципиента и прецедентного образа. Эти взаимоотношения носят вневременной характер, поскольку точки схождения таких пересечений находятся в настоящем.

Большую роль при интерпретации текста играет контекст культуры (мегаконтекст): информационно-ассоциативной ореол прецедентного библейского антропонима как единицы персониферы увеличивается через последовательное прохождение антропонима сквозь микро- и макроконтексты к мегаконтексту.

Список литературы

1. Блох М.Я. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М., 2001.
2. Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века : словарь личных имен. М., 2005.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

4. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
5. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, №1. С. 3–9.
6. *Национальный корпус русского языка* : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.01.2016).
7. *Прилепин З.* Именины сердца: разговоры с русской литературой. М., 2009.
8. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
9. *Хазангеров Г. Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1.
10. *Ширман Е.* Эти стихи, наверное, последние // Солнечный ветер : ист.-худ. журнал : [сайт]. URL: <http://www.vilavi.ru/pod/220506/220506.shtml> (дата обращения: 27.01.2016).

Об авторе

Мария Александровна Стешенко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: mariamaria_st@mail.ru

About the author

Maria Steshenko, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: mariamaria_st@mail.ru